

Д. С. Митрохинъ.

„Левъ“.

ИСКАЖЕНІЯ.

Статья **Антоня Крайняго.**

Если общество, въ нѣкоторые острые періоды времени, совсѣмъ не имѣетъ сужденій и новыхъ какихъ нибудь мыслей—не бѣда. Значитъ, некогда думать, надо дѣло дѣлать.

Если періодъ бездумія затягивается,—это уже нѣсколько ненормально, но все-таки ничего. Сейчасъ другая печаль. Мы и судимъ, и мысли высказываемъ,—только немедленно ихъ искажаемъ, Богъ знаетъ во что превращаемъ при приспособленіи къ безраздѣльно владѣющимъ нами чувствамъ. Или не для того мысль, чтобы освѣтлять, направлять чувство? Она чувства не исказитъ, у нея для этого и средствъ нѣтъ, но, подчиненная чувству, сама искажается до неузнаваемости, до вредности, такъ какъ все же носитъ маску мысли.

Чѣмъ мы хуже англичанъ? Почему въ часы тѣхъ же испытаній они умѣютъ сохранить равновѣсіе, покой, истинно-человѣческое чувство *миры* во всемъ, а мы чуть не въ заслугу себѣ ставимъ иногда отсутствіе мѣры? Лампада англичанъ съ фитилемъ и можетъ ровнымъ, нужнымъ огнемъ прогорѣть сколько угодно времени, а мы звать не хотимъ регулирующихъ фитилей, о времени не думаемъ,—лишь бы горѣло пожарче. „Русскій человѣкъ не знаетъ расчета,—говорятъ съ гордостью,—не живетъ „холоднымъ разумомъ“, а весь въ порывѣ!“ Очень хорошо. Я высоко цѣню порывъ. Но неужели порывъ—всегда неразуменъ? Почему, если разумъ, то сейчасъ же „холодный“, а если расчетъ, то непременно „низкій“? Вотъ воистину пустозвонныя „слова, слова, слова“!

Особенно жалко видѣть, когда выверту, искаженію подвергается мысль, по существу вѣрная, могущая быть въ свою мѣру полезной, что нибудь, кому нибудь пояснить, къ чему нибудь повести. Я не буду заходить въ тѣ углы, гдѣ правильное соображеніе о пагубности нѣкоторыхъ нѣмецкихъ вліяній на Россію давно переработалось въ дикіи, въ простой крикъ: „Не надо нѣмцевъ!“ Не надо не разбирая, откуда ты, изъ Веймара, изъ Риги или изъ Смоленска. Въ этихъ темныхъ углахъ всегда одна работа, она производится и безъ всякихъ мыслей, и во всѣ времена; тутъ главное—„не надо“, а кого—смотря по обстоятельствамъ.

Но неужели невѣрна объективно мысль, что и во время войны не должна, по возможности, замирать въ странѣ вся культурная жизнь, не должны гаснуть вчерашнія цѣнности, прекращаться личная, творческая работа? Казалось бы, такъ просто и бесспорно, до банальности. Но, вотъ я вижу эту мысль современно-преломленной на страницахъ свѣжей газеты. Въ изысканныхъ стихахъ меня убѣждаютъ, что „еще не значить быть измѣнникомъ“, если хочется и теперь „гулять по Невскому проспекту и кушать кремъ“, „грезить о синихъ очахъ“ и т. д., что „война—войной, а розы—розами“. Да я мгновенно отречусь отъ всякой „вѣрной мысли“, провалюсь „сохраненіе общихъ цѣнностей“, пойдемте лучше всѣ огуломъ на войну, только бы не было оправдано „кушанье крема“.

И это однако—пустяки. А вотъ посерьезнѣе.

Столкнувшись съ современной „культурной“ Германіей, мы нѣсколько больше поняли, что такое настоящая *культура*. Поняли, что она по существу—двойственна, что лишь при соответственномъ развитіи обѣихъ сторонъ жизни—внутренней и внѣшней—ихъ взаимодействіи и сгармонированности, получается истинная культура. Ни одинъ народъ не можетъ назваться культурнымъ, если нѣтъ въ немъ извѣстной гармоніи между ростомъ духовнымъ, внутреннимъ и чисто внѣшнимъ. Любая сторона, развиваясь самостоятельно, независимо и чрезмѣрно, давить тѣмъ самымъ на другую и все болѣе замедляетъ ея оставшии ходъ. Германія—яркій примѣръ такого перероста внѣшней стороны въ ущербъ внутренней. Духъ Германіи давно задавленъ „плотью“—техникой; голая техника, механика—уже не культура, а варварство. Естественно желать побѣды надъ этимъ варварствомъ. Я не сомнѣваюсь, что настоящая Германія,—задавленный духъ ея,—стремится къ освобожденію; и въ этомъ смыслѣ—да, для *самой Германіи* нужно, чтобы ее побѣдили.

Во что же могутъ превратиться эти простыя мысли, приспособленныя къ чувствамъ-инстинктамъ? Нѣмцы—автоматы (механика). Автоматы—и Крупшъ и Кантъ, и Кантъ и Крупшъ“.

Черта перейдена, мѣра нарушена, мысль взята и въ корнѣ искажена, послужила лишней пищей для злобы, какъ послѣдующіе выводы изъ этой же мысли—для безцѣльнаго самовосхваленія. Мы, молъ, не таковы, какъ Германія, мы—не автоматы, у насъ нѣтъ механики. (Изничтожимъ всю Германію во имя совершенной русской культуры!)

Конечно мы—не автоматы. Менѣе всего. Но зачѣмъ забывать, что истинная культура—въ гармоніи, въ сочетаніи внутреннего развитія съ внѣшнимъ, въ *двусторонности*? Если голая механика—варварство, то и переразвитіе духовное—тоже путь къ варварству, въ конечномъ счетѣ.

Счастливое положеніе Россіи вовсе не въ томъ, что у нея „нѣтъ механики“, и нечѣмъ тутъ хвастать, нечему радоваться; въ томъ счастливое положеніе, что, хотя внутреннее развитіе Россіи и опередило внѣшнее,—разрывъ между ними еще не такъ безнадеженъ, разстояніе не такъ велико. Опасность варварства всегда есть, но не страшна, пока мы о ней помнимъ.

Міровая привычка ставить „духъ“ выше „плоти“—только привычка: они—равноцѣнны въ движеніи жизни и равно необходимы въ понятіи культуры.

Левъ Толстой—наша гордость; его уклонъ—высшее развитіе духа; но въ то же время это—уклонъ къ ущербу культуры. Левъ Толстой шелъ въ своемъ до конца; и онъ открыто отвергалъ искусство, науку, технику, все, что для насъ входитъ, какъ цѣнность, въ понятіе культуры, все, что дѣлается „механикой“ *только* при непомѣрномъ умаленіи

п. Митуричъ.

П. В. Митуричъ.

„Богатыри“.

духа. Но вѣдь Россія не можетъ и не захочетъ отказаться отъ культуры. Чѣмъ же хвалиться, почему такъ ликовать, что еще пока плохія дороги, мало докторовъ, неграмотный народъ, довольно слабая техника? Не это дастъ намъ побѣды, не это дастъ намъ преимущество надъ нѣмцами. Если для лишнихъ поводовъ къ самовосхвалению говоримъ мы о „механичности“, непостоянноти нѣмецкой культуры, то мы еще ничего ни въ механичности, ни въ культурѣ не поняли, и лучше ужъ совсѣмъ объ этомъ не говорить. Тысячу разъ лучше не имѣть никакихъ мыслей, чѣмъ исказять ихъ по первому произволу чувствъ и данныхъ настроеніи.

А безмѣрностью, безудержностью, непреградностью чувствъ, рѣдко не проверяемыхъ, тоже лучше бы не хвалиться. Отсутствие критерія, мѣры, сдерживающаго начала можетъ самыя благородныя чувства незамѣтно превратить въ стихійныя инстинкты. Слишкомъ большая „свободность“, душевная „легкость въ мысляхъ“—уже признакъ начинающейся дисгармоніи, признакъ того, что реализмъ жпени отстаетъ, не успѣваетъ за стремительнымъ ростомъ духа. Вотъ гдѣ должна лежать наша забота, если мы думаемъ объ истинной культурности! Не намъ презирать „плоть“—реальность, дѣловитость, живую технику міра; у насъ-то она ужъ навѣрно не дорастетъ до бездушноты механики, до нѣмецкаго варварства. Но не радоваться, что есть еще гдѣ-то плохія дороги и курныя избы, должны мы, но учиться строить домъ, достойный возрастающаго духа Россіи.

А такъ какъ судьба ей судила принять участіе въ великой борьбѣ за освобожденіе Европы отъ гибельнаго авто-

матизма,—будемъ ясно видѣть и себя, и другихъ, будемъ знать, противъ чего и во имя чего мы пойдемъ въ борьбу до конца.

Антонъ Крайни.

Валкириі.

О. Н. К.

Мнѣ нравятся твой тихій голосъ
И затѣненные глаза
И то, какъ ты со мной боролась,
Моя июньская гроза.

Подъ шинами автомобиля
Скользила улица шурша,
Когда проснулась для насилій,
Валкириі, твоя душа.

Не знаю, что владѣло нами,
Любовный жребій или страхъ,—
Но фиолетовое пламя
Запрыгало въ твоихъ глазахъ.

И я, пронизанный отрадой,
Противиться тебѣ не могъ
И даже не просилъ пощады,
Поверженный у милыхъ ногъ.

Германъ Качаловъ.

п. м.